

УДК 94(48).061

ПРОЦЕСС СПРИНГЕРА ВО ВРЕМЯ БОРЬБЫ С РУССКИМ ВЛИЯНИЕМ В ШВЕЦИИ В 1746-1747 гг.

© 2018 М.Ю. Анисимов

Институт российской истории РАН, г.Москва

Статья поступила в редакцию 12.10.2018

Во время выборов в шведский парламент 1746-1747 гг. российская дипломатия предприняла неудачную попытку повлиять на выборы и сменить правительство. Сторонники России, связанные с русским послом Корфом, потерпели сокрушительное поражение, их лидеры были либо смещены со своих постов, либо арестованы в результате незаконных действий их противников. В центре статьи – арест и следствие над торговцем Кристофером Спрингером, посредником в контактах русского посла и шведской оппозиции. Спрингер был арестован в отсутствие доказательств, но несмотря на это был без суда осужден на пожизненное заключение. Итогом попытки вмешательства для российской стороны стала смена посла в Стокгольме, а для союзных русским англичан – разрыв дипломатических отношений со Швецией из-за насилия, которому был подвержен английский посланник, пытавшийся укрыть в своем доме бежавшего из-под ареста Спрингера.

Ключевые слова: русско-шведские отношения, риксдаг, «шляпы», «колпаки».

Российская политика в Швеции после русско-шведской войны 1741-1743 гг. до сих пор не получила полноценного освещения, в общих работах исследовался лишь период 1749-1763 гг.¹, но не время с 1743 по 1748 гг. В своей многотомной «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьев обширно цитировал дипломатические донесения, но принцип общего погодного изложения всех событий российской истории не позволял ему дать оценку путей развития двух стран. Между тем в это время, в период шведского риксдага 1746-1747 г., российская дипломатия предприняла попытку вмешаться во внутриполитические дела Швеции и выборы в парламент, открыто поддерживая одну из действовавших в стране группировок.

Проиграв Северную войну 1700-1721 гг., Швеция потеряла статус великой европейской державы. Монархия была преобразована в сословно-представительную с первенствующей властью парламента – риксдага, главную роль в котором играло дворянство. Сам риксдаг, регулярно созывавшийся каждые три года, имел и право судебных расследований и утверждения решений, принятых Королевским советом (сенатом) – риксродам и исполнительной властью. Риксдаг состоял из 4-х палат, которые формировали 4 сословия – дворянство, духовенство, мещанство и крестьянство. Палаты заседали раздельно, решение принималось, когда за него голосовали три сословия из четырех.

*Анисимов Максим Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: anisimovm@list.ru*

Риксдаг формировал своеобразный президиум, получивший название «Секретный комитет», который решал вопросы государственной безопасности, внешней политики и финансов, что требовало специальных знаний, и крестьянские депутаты туда не допускались.

Высшим постоянным органом был риксрод, Королевский совет, называемый в русских документах сенатом. Риксрод был ответственен перед риксдагом, который мог начать следствие над конкретными сенаторами, сформировав специальные комиссии.

Главную силу в шведской политике в первой половине 40-х гг. XVIII в. имела так называемая «партия шляп», группировка, во внешней политике жаждавшая реванша и ориентировавшаяся на Францию, опиравшаяся на шведское дворянство, а также наиболее обеспеченных представителей городского сословия. Им противостояли «колпаки», ориентировавшиеся на мирные отношения с соседями и прежде всего с Россией, сохранявшие позиции в среде духовенства и крестьянства. Обе партии искренне считали себя патриотами Швеции и действовали в соответствии со своими представлениями о благе родины.

В 1743 г., после русско-шведской войны, начатой и проигранной «шляпами», Петербург фактически навязал шведам наследника престола голштинского принца Адольфа Фридриха (король Фредрик I был бездетен).

Вопреки надеждам петербургского двора кронпринц Адольф Фредрик оказался «неблагодарен» к русским и не собирался довольствоваться декоративной ролью при риксдаге. В этом его поддерживала партия «шляп».

Новый созыв риксдага был намечен на 1746 г. На сессиях сословного представительства российская дипломатия собиралась добиться победы «колпаков», которые отстранили бы партию «шляп» и вернули бы Стокгольм к сближению с Россией. В этом намерении русских поддерживали враги Франции – англичане.

Для столь сложной задачи русский канцлер граф А.П. Бестужев-Рюмин решил сменить российского представителя в Стокгольме, отправив туда российского посланника в Дании барона И.А. Корфа. Перед самим Корфом рескриптом от 3 июля 1746 г. русский двор поставил следующие задачи: 1) отвратить шведов от идеи восстановления абсолютизма на созываемом риксдаге, 2) отложить подписание союза Швеции с Пруссией или разрушить этот союз, 3) добиться дружеских отношений Швеции с Россией согласно союзному договору 1743 г. и 4) всеми силами стараться вывести из шведского правительства людей, преданных Франции, то есть сменить все нынешнее шведское правительство². Для столь важных задач Корфу отправлялись в общей сложности несколько десятков тысяч рублей и отдельно прибавлялось 500 рублей в месяц на организацию «столов», то есть обедов для депутатов-сторонников сближения с Россией.

Организация столов для приезжающих в город депутатов из шведских провинций была обычной практикой, использовавшейся обеими шведскими «партиями» – сессия парламента длилась год-два, и это время провинциальные депутаты, большей частью небогатые, должны были сами искать способы пропитания. Если же бесплатных столов от своей «партии» для них не было, зачастую депутаты переходили к тем, кто пускал их за свой стол, и голосовали так, как требовалась организаторам депутатского питания, или же просто уезжали домой и лишали свою партию необходимых голосов на риксдаге.

Корф прибыл в Стокгольм тогда, когда выборы депутатов уже завершились в городском сословии Стокгольма. Как с сожалением констатировал русскому послу один из самых видных «колпаков» недворянского происхождения, 42-летний стокгольмский купец и политик Кристофер Спрингер, французская партия здесь победила, но есть еще надежда на провинциальных депутатов. Для этого только нужны деньги, которых у «колпаков» не было.

22 августа 1746 г. английский и русский представители в Стокгольме выехали в один из загородных домов для переговоров с лидерами «колпаков», которые заявили, что если денег нет, то нужно об этом прямо заявить в провинциях, а Россия и Англия вместо этого тогда окажут политическое давление на шведское правительство, например, Петербург заявит, что из-за политики нынешнего шведского правительства

и в условиях заключенного русско-австрийского союза он не может доверять Стокгольму³.

Партия «шляп», отстав от «колпаков» в раздате денег депутатам (французский посол еще не успел получить средства), понимая, что других козырей у нее пока нет, решила опереться на кронпринца Адольфа Фредрика, выставив его своим главой, и заняться антироссийской пропагандой, уверяя, что Россия полностью покорилась себе Швецию и спасение от русского ига заключается только в союзе с Францией и Пруссией, а цель русских, вначале силой навязавших шведам своего кандидата в наследники престола, а затем увидевших, что кронпринц отстаивает шведские интересы, – отстранить Адольфа Фредрика от наследования шведского престола и передать его своему наследнику – великому князю Петру Федоровичу.

С открытием риксдага борьба партий деньгами и пропагандой перешла в финальную стадию. Идея шантажа шведов вторжением русских войск, озвученная «колпаками» русскому посланнику Корфу, судя по всему была принята «колпаками» в качестве главного оружия в борьбе с профранцузской партией. В реляции от 24 октября Корф передавал просьбы своих конфиденентов отправить к границам Карелии 10 полков и тысячу казаков. В Петербурге посчитали это слишком долгим и затратным делом, согласившись взамен на размещение в Выборге 2-3 полков из соседних земель и Новгорода. Претензий по этому поводу не ожидалось – государства вольны размещать в своих владениях полки так, как угодно их властям.

Не имея других рычагов воздействия на депутатов для обеспечения своей победы в риксдаге, «шляпы» выбрали свой метод борьбы. Корф узнал, что после выборов в Секретный комитет «шляпы» планируют арестовать некоторых видных «колпаков», как выразился их лидер граф К.Г. Тессин: «Я знаю колпаков, их легко можно сдержать: стоит только с одним из них поступить строго, и они все сейчас отстанут от русского министра, который не будет тогда знать, куда обратиться»⁴.

Выборы депутатов в Секретный комитет, от чего традиционно были отстранены крестьяне, ожидаемо закончились победой «шляп», получивших в этом органе подавляющее большинство мест. Именно эта победа профранцузской партии в итоге окажется ключевой для борьбы «колпаков» и «шляп» на всем риксдаге.

Корф решил заняться завоеванием большинства в собраниях сословий. Оставив дворянский чин как безнадежный, основное внимание Корф решил сосредоточить на крестьянском и духовном чине, традиционно ориентировавшихся на «колпаков».

План Корфа переключиться с борьбы за Секретный комитет на общие собрания риксдага

у трех недворянских сословий Елизавета Петровна и Бестужев-Рюмин одобрили. Однако тактику Корфа в Петербурге осудили. Ради своих целей посол Корф, официально представлявший русскую императрицу, вел себя как тайный резидент русской разведки – назначая тайные ночные встречи влиятельным парламентариям, Корф переодевался и ходил на них неузнанным. Учитывая, что сам Корф ранее сообщал, что за его домом следят, наблюдая за всеми, кто приходит к нему, такие ночные вояжи могли для посла плохо кончиться – на него могли напасть на улице как «на неведомую персону». Да и вообще подобные действия были расценены как неприличные для дипломатического ранга Корфа, и впредь ему запретили продолжать тактику тайных встреч с парламентской оппозицией.

Предложения «колпаков» придвинуть к шведским границам русские войска и издать декларацию императрицы с требованием увольнения нынешнего шведского министерства и введения в риксрод «патриотов» обеспокоили Бестужева-Рюмина, так как такие заявления со стороны России больше «на декларацию войны походят». В целом опасная с точки зрения международной реакции идея в Петербурге не отвергалась, но инициатива должна была принадлежать самим «колпакам», которые должны были бы написать обращение к российской императрице, которое Бестужев-Рюмин обещал сохранить в секрете⁵.

11 февраля 1747 г. по приказу Секретного комитета был арестован и препровожден в тюрьму К. Спрингер, один из главных конфиденентов Корфа, получавший от него крупные суммы на раздачу верным «колпакам» депутатам.

Обстоятельства ареста Спрингера Корф сообщил в реляции от 18 февраля. По его словам, избранием в риксрод новых сенаторов-«шляп» остался недоволен крестьянский чин, который собирался на риксдаге потребовать ответа у «шляп». Поэтому где-то в конце января на обсуждении своих дальнейших действий «шляпы» решили подорвать репутацию «колпаков» у низших сословий, обвинив лидеров соперничающей партии в том, что они с помощью русских замыслили заговор против государственной безопасности и наследования престола Адольфом Фредриком. В таком случае «шляпы» предстанут в глазах простого народа истинными патриотами, разоблачившими антишведские интриги продажных русских агентов.

Судя по русской дипломатической переписке, Петербург не имел таких планов. «Колпаки» действительно запрашивали русские угрозы вторжения для сокрушения своих противников, но русский двор так и не согласился принимать такие меры, справедливо считая, что это фактически означает объявление войны в то вре-

мя, когда Россия была готова к вероятной войне против Пруссии. Прусский король Фридрих II был куда более опасным врагом, чем шведы, от которых в Петербурге, судя по рескриптам Корфу, в то время просто досадливо отмахивались. Русский двор все же провел в начале 1747 г. ряд военных маневров у шведских границ, так как это было законным мероприятием, но на большее идти не хотел.

Нет никаких свидетельств о том, что Елизавета Петровна или хотя бы Бестужев-Рюмин лелеяли идею лишения Адольфа Фредрика права наследования шведского престола – шаг сам по себе выходящий за рамки монарших взаимоотношений (которые свято соблюдала Елизавета Петровна), к тому же направленный против родственника русской императрицы – Адольф Фредрик был двоюродным дядей и ранее опекуном ее собственного племянника и наследника Петра Федоровича.

Обвинение «шляпами» своих оппонентов в государственном преступлении было обычным в политической борьбе, и истина в этой борьбе мало кого интересовала.

Первой жертвой обвинения и оказался Спрингер. Он не был дворянином, и никакого влиятельного клана за ним не стояло. В среде самого мещанства он имел давних влиятельных врагов.

Один из соратников Спрингера, купец К. Франк, опекавший депутатов от мещанства, обанкротился, к тому же оказалось, что он торговал запрещенными товарами. К нему обратились «шляпы», обещая спасти его, дав ему большую сумму денег, лишь бы Франк написал донос на Спрингера. Он не должен был искать доказательств, с ними ему обещали помочь далее, нужно было только обвинение. Франк перед тем, как согласиться, сказал обо всем Спрингеру. Тот не воспринял это всерьез, уверенный, что легко оправдается от наветов в суде, так как своей стране не изменял и государственных преступлений не замышлял, но недооценил гибкость шведской Фемиды в руках «шляп».

Известия о движении русских войск на границах заставили «шляп» спешить с обвинением, рассылая мемориалы о том, что Спрингер – частый гость в доме русского посла, следовательно, планирует погубить Швецию.

Риксдаг запрещал Секретному комитету совершать аресты, тем более не имея доказательств, определяя рассматривать такие доносы на вольных мещан в суде. Но это не смутило «шляп», которые заперли двери во время заседания Секретного комитета и начали сбор голосов за арест Спрингера. Представители духовенства с протестом покинули свои места, но голосов дворян и горожан хватило для нужного решения. Спрингера арестовали, в его доме конфисковали все найденные там бумаги.

Спрингер все это время не терял присутствия духа, был бодр и весел.

Арест Спрингера и еще двух его соратников, как считал Корф, даст «шляпам» возможность «по примеру гишпанской инквизиции хитростью, насильством, обещаниями и угрозами» вынудить их или хотя бы кого-то из них дать показания на сенаторов-«колпаков» – вождей партии. Арест этих людей позволит полностью сокрушить их сторонников и подорвет какие-либо попытки сопротивления воле «шляп» в Стокгольме. Одного из соратников Спрингера Корф спас сам, так как он был служителем его миссии и обладал неприкосновенностью, дело второго удалось направить в королевский суд, в итоге его оправдавший. Под угрозой оставалась только жизнь Спрингера.

12 и 13 февраля в Секретном комитете рассматривали письма Спрингера, как найденные в его доме, так и перехваченные на почте. Во всех этих бумагах не было ничего компрометирующего их автора. Этого «шляпы» не ожидали. Один из членов Секретного комитета отправился к кронпринцу Адольфу Фредрику и доложил, что в письмах «каналы» Спрингера ничего нет. Принц играл в это время в карты и, услышав это, переменялся в лице и выронил их из рук⁶.

Секретный комитет организовал следственную комиссию по делу Спрингера из 12 человек и 1 адвоката. На допросах Спрингер держался уверенно и даже дерзко, с сарказмом отрицая все обвинения⁷. Понимая, что от Спрингера ничего не добиться, «шляпы» надеялись на какие-нибудь показания против Спрингера купца Франка, который находился под караулом из двух человек из городской канцелярии. К потрясению «шляп», Франк как раз ухитрился сбежать, перед этим отправив письмо брату Спрингера с сообщением о том, что от него требуют показаний против купца, и скрылся за границей.

Для поддержания обвинения против Спрингера пришлось апеллировать к старым делам, уже решенным королем и риксродом еще на прошлом риксдаге, когда Спрингер судился со своими врагами. Был и еще один беспроегрешный вариант – обвинить купца в оскорблении кронпринца – в таком случае из почтения к будущему королю никто бы не осмелился подавать голос в защиту Спрингера.

А голоса в его поддержку были все громче – депутаты крестьянского чина, возмущенные незаконным арестом свободного представителя податного населения, о котором Секретный комитет сообщил всем сословиям, снова стали требовать допуска своих членов в состав Секретного комитета. «Шляпы», впрочем, обильными застольями склонили часть крестьян выступить против этих намерений, и в итоге бурных споров крестьянская палата приняла компромиссное заявление, что

депутаты не знают обстоятельств дела, но выражают надежду, что Спрингеру позволят пользоваться всеми положенными ему правами.

Дворяне, в свою очередь, столь же шумно обсуждали арест Спрингера, дело которого по законам должно было быть передано в суд. «Шляпы» отвечали, что дело пока только расследуется, а потому будет решено, куда его передавать, а если бы арестовали всех, кто замешан в это дело, то в городе не хватило бы тюрем. Лантмаршал (спикер дворянской палаты и председатель всего риксдага) с большим трудом восстановил тишину своим молотком и жезлом, и депутаты разошлись.

В палате духовенства большинством голосов священники и епископы проголосовали за то, чтобы отозвать из комиссии по делу Спрингера трех своих представителей под страхом исключения из чина. Без представителей одного из сословий комиссия теряла легитимность.

«Шляпы» вынуждены были реагировать на этот демарш вначале разговорами о том, что у них есть список всех, кто обращался за помощью к Елизавете Петровне, а затем снова подключили к давлению на оппонентов будущего короля. Адольф Фредрик направил в Секретный комитет письмо, в котором те, кто уклоняются от участия в комиссии, назывались бунтовщиками и государственными изменниками.

Секретный комитет потребовал нового собрания духовного чина. На нем глава шведской церкви архиепископ Я. Бензелиус, который был тальманом (спикером) духовной палаты, предложил отменить прежнюю резолюцию об отзыве из комиссии по делу Спрингера представителей духовенства, но депутаты не приняли такого решения и разошлись. Тогда тальман-архиепископ сам, не спрашивая мнения своей палаты, написал «предложение» духовным депутатам вернуться в состав комиссии, снова нарушив права сословных собраний.

«Колпаки» совсем пали духом и поняли, что судьба Спрингера уже решена, Секретный комитет доведет дело до казни, не ставя в известность риксдаг по причине якобы крайней секретности дела.

Следственная комиссия поставила кронпринца в известность о том, что в бумагах Спрингера нет ничего компрометирующего. Адольф Фредрик с досадой высказался: «надобно, чтоб сей мужик головы лишился». Позже кронпринц, по словам Корфа, заявлял: «Шпрингер и Гедман (дело которого в итоге было отправлено в королевский суд, где он был оправдан. – М.А.), хотя бы они так чисты, как солнце были, имеют однакож в страх изменническим патриотам головы свои потерять, чего безопасность государства требует»⁸, а когда в апреле ему сообщили, что Спрингера не в чем обвинить и дело разваливается, Адольф Фредрик, недоумевающий по поводу

всех этих ненужных церемоний, «спросил: Разве де невозможно есть такому подлому (в значении «подлость» как простонародье. – М.А.) мужику голову отрубить, на что ответствовано, что сие уставам противно, но ежели его королевское высочество всемерно желает, чтоб он на волю освобожден не был, то однакож более ничего учинить нельзя, кроме того, что его в Марстранд сослать, чем его королевское высочество недозволенным быть казался»⁹.

Спрингеру на допросе предстояло ответить следователю на несколько вопросов: часто ли он был у Корфа и зачем он его посещал, получал ли от него деньги, финансировал ли Корф столы, которые Спрингер организовывал для депутатов, кто был на этих угощениях, что Корф говорил о шведском дворе и получал ли Спрингер векселя от Корфа. Спрингер отвечал, что был у Корфа тогда, когда тот его звал для нужных ему дел. Дела эти состояли в том, что по просьбе Корфа Спрингер вел его счета – правильны ли цены, по которым посольские служители закупают провизию в городе, или же Спрингер приходил для того, чтобы привезти продукты, купленные им самим для Корфа. Он брал деньги от Корфа за поставленные тому товары. Спрингер организовывал столы для своих друзей таким же образом, как и французские сторонники, у которых и надобно спрашивать о том, за чей счет они это делали, а он, Спрингер, сам своим трудом зарабатывает деньги на угощения. О шведском дворе Корф не говорил со Спрингером, но от других купец слышал, что посол говорил о том, что его страна за дружбу со Швецией, и сам Спрингер тоже за дружбу с Россией. Корф давал Спрингеру вексель на 1000 рублей, который тот продал маклеру и отдал деньги русскому послу, а куда Корф потратил эти деньги, юстиц-советнику, допрашивающему его, если он такой храбрый, надо пойти и задать этот вопрос в русскую миссию¹⁰.

Спрингер, судя по всему, не только сохранял хладнокровие и язвительность, но и прекрасно владел искусством ответов – он не лгал, что не получал денег от Корфа (по отчету посла он в разное время выдал Спрингеру огромную сумму в 242 тысячи талеров купферминц (почти 26 тысяч рублей) из 800 с лишним тысяч, потраченных им на риксдаг¹¹), а утверждал, что получал их в качестве купца за оказанные Корфу услуги.

Время шло, а обвинить в чем-либо серьезном Спрингера не удавалось. Вероятно, в психологических целях к нему в камеру привели доктора для осмотра, что всегда делалось перед пыткой. Корф снова сообщил, что «кронпринц погибели сего бедного человека всемерно желает»¹², следствие уже решило допрашивать всех, кто ходил к Спрингеру, чтобы хоть кто-нибудь согласился на него донести. По шведским законам эти люди, как доносители, не были бы свидетелями, но это

не останавливало «шляп» в выполнении поручения Адольфа Фредрика.

Следствие решило надавить на жену Спрингера, чтобы лишить его помощи семьи, требуя развода с государственным преступником, но жена купца отказалась, назвав это «бессовестным» делом.

3 июля Корф сообщил в Петербург, что дело Спрингера не движется, доказательств его вины по-прежнему нет. Если же его решат осудить, то это будет сделано только по двум причинам – он был посредником у русского посла и среди прочих хотел подкрепить свои политические усилия в борьбе со «шляпами» русской помощью.

Несколько месяцев дело Спрингера оставалось на прежних позициях – «шляпы» и «колпаки» схватились в последней и решающей битве за сохранение в если уже и не в политике, то хотя бы на свободе и вообще в живых последнего оставшегося еще твердым лидера пророссийской партии и ее самой влиятельной фигуры в шведских верхах – сенатора С. Окергельма.

Спрингер снова напомнил о себе сам – 16 ноября 1747 г. он сбежал из тюрьмы.

Дождавшись, когда охранявший его офицер ушел, около 6 часов вечера Спрингер подпоил оставшегося охранника, унтер-офицера, а когда он уснул, одел его шляпу и мундир и вместе с солдатами вышел из здания тюрьмы.

О побеге тут же сообщили одному из лидеров «шляп» Н. Пальмштирне, находившемуся на пиру. Сенатор бесцельно забежал по залу, потом пошел к Адольфу Фредрику и поставил его в известность о побеге арестанта. Тот выронил карты из рук, ушел в свои покои и «с употреблением ужаснейших бранных слов» сходил и обратно входил на крыльцо много раз. Не зная, что делать, кронпринц пошел на допрос унтер-офицера, упустившего Спрингера, и, только увидев его, выхватил шагу и бросился на него, но сопровождавший кронпринца офицер удержал его руку.

Утром шведские власти уже знали, где прячется Спрингер. В день побега Спрингера, между 6 и 7 часами вечера к находившемуся у себя дома английскому посланнику М. Гюи-Диккенсу пришел его служитель и сообщил, что к дому только что прибыл курьер из Лондона. Посланник распорядился ввести его к себе – и с изумлением узнал в курьере купца Спрингера. Махнув своим людям, чтобы они тут же оставили их наедине, англичанин бросился расспрашивать шведа, как он тут оказался. Спрингер рассказал, как покинул здание тюрьмы, затем прошел на площадь Норд, где, опасаясь погони, нанял сани и под видом курьера приехал к дому Гюи-Диккенса.

Утром, проснувшись и посмотрев в окно, посланник увидел вокруг шведских солдат. Его дом имел отдельное расположение, и потому возможности провести Спрингера мимо кара-

улов у него не было. В 9 часов утра к англичанину прибыл шведский гофканцлер Э. Нолькен с поручением короля. Его ввели в дом, и Нолькен сообщил Гюи-Диккенсу, что король узнал, что беглый преступник Спрингер находится в этом доме и он просит не отказать в его выдаче шведскому правосудию. Тот, кто привез его в этот дом, стоит за дверями и может подтвердить этот факт, вероятно, служители английского дипломата без его ведома пустили в дом Спрингера, и Нолькен предлагает Гюи-Диккенсу вместе обыскать дом.

Отрицать очевидное Гюи-Диккенс не решился. Единственное, что он мог ответить, что сам обыщет дом и в 4 часа дня даст знать о результатах, а обыскивать его дом шведским властям не позволяет его характер официального представителя короля Великобритании.

Нолькен уехал, но через полтора часа снова вернулся. Гюи-Диккенсу в этот раз он заявил, что есть новые подтверждения присутствия беглого преступника в доме английского дипломата. Два его служителя (почти все домашние Гюи-Диккенса были шведы) свидетельствовали об этом своему третьему брату, который ранее тоже служил у посланника. Этот брат пришел в дом в 10 часов утра, был допущен как всем знакомый, поговорил с братьями о том, кто прибыл вчера к ним в дом, вышел и сообщил обо всем властям – все три брата надеялись получить награду за сведения о беглеце.

Гюи-Диккенс теперь уже определенно признал, что Спрингер здесь был, но, вероятно, уже ушел, так как ему нечего здесь делать, а он сам, как и обещал, представит ответ в 4 часа дня.

В перерывах между визитами Гюи-Диккенс посылал людей к союзным министрам за советом, и к нему прибыл коллегии юнкер русской миссии И.М. Симолин. Ему Спрингер сказал, что не пошел в дом Корфа потому, что именно там бы его и ждали солдаты.

Теперь же, около полудня, в связи с новыми обстоятельствами и длительностью пересылки через третьих лиц, Гюи-Диккенс решил поехать к Корфу за советом лично, приказал вывести свою карету, и, когда уже сел в нее, Нолькен прибыл к нему в третий раз, чтобы сказать, что караулы у дома английского посланника усилены и что англичанин велит ответить королю? По словам Корфа (общие обстоятельства осады английской миссии описаны в отдельном документе, вероятно, Гюи-Диккенсом, а Корф со своей стороны описал то, что было в его доме, а также общие, иногда неверные в деталях события у дома англичанина, о которых он мог узнать в то время от посетившего его дом Гюи-Диккенса), Нолькен заявил английскому посланнику, что его нежелание выдать Спрингера может привести к ссоре двух дворов

с тяжелыми последствиями, а если он не выдаст преступника до часу дня, то шведские власти предпримут иные меры¹³.

Гюи-Диккенс ответил, что уже два раза давал ответ, что шведам нужно ждать 4-х часов дня, а сам он сейчас едет к другим иностранным министрам для консультаций о своих действиях.

Солдат у него дома уже было около 400, они расступились перед каретой посланника, когда она проехала, сомкнули строй и зарядили ружья. За Гюи-Диккенсом поехал шведский конный офицер, сопровождая карету всюду, куда бы посланник ни сворачивал.

Прибыв к Корфу, Гюи-Диккенс рассказал ему о произошедшем, и Корф отметил в сообщении в Петербург о событиях этого дня, что англичанин дрогнул и фактически признал присутствие Спрингера у себя дома. Гюи-Диккенсу он посоветовал тянуть время, чтобы как-то улучшить возможность отправить его в другое место.

Англичанин вернулся и заметил, что солдат стало еще больше, кроме того, на улицах у его дома собрались толпы народа. Как отметил потом Корф, солдатам было велено намеренно бить в барабаны, чтобы привлечь как можно больше народа, что давало оправдание наличию большого числа солдат, окружающих иностранную миссию, – солдаты охраняют ее от толпы.

Проезжая мимо всех этих людей, Гюи-Диккенс услышал, что его резиденцию решили взять силой, первыми ворота выломит толпа, а за ней в миссию войдут солдаты под предлогом защиты жизни и имущества иностранного дипломата и его детей.

Гюи-Диккенс принял решение. В доме он написал официальное письмо Нолькену, в котором признал наличие в его доме Спрингера, и выразил готовность выдать его в 4 часа дня, попутно заявив официальный протест против действий шведской стороны. Англичанин вписал в письмо рассуждения о том, что в других странах этот человек не был бы признан преступником из-за одних огульных наговоров, но эти слова уже ничего не значили – шведские власти получили желаемое.

В назначенный час Нолькен, уже в 4-й раз за день, прибыл в дом английского посланника. Гюи-Диккенс сказал ему, что, как он видит, необходимо уступить силе, так как дела слишком далеко зашли. Нолькен был участлив и предельно вежлив – да, сказал он, у нас тут всегда вдаль заводят, позволит ли посланник войти королевскому генерал-адъютанту и еще одному офицеру с ним? Гюи-Диккенс согласился, офицеры вошли, встретили Спрингера, отвели его в закрытую карету и вместе с ним покинули дом английского посланника¹⁴.

Корф в донесении от 20 ноября, еще не зная всех обстоятельств выдачи Спрингера, осудил

действия своего английского коллеги, считая, что тому нужно было сразу же отправить Спрингера дальше, если он не может защитить его, и что Гюи-Диккенс зря испугался солдат и признал, что Спрингер скрывается у него в доме, хотя его дом не могли бы обыскать, а по местным законам слуги, донесшие о присутствии беглеца в доме посланника, не могут быть свидетелем против своего хозяина, и, в отсутствие других доказательств, шведы не рискнули бы устраивать штурм дома английской миссии. Кроме того, Гюи-Диккенс растерялся и поторопился с выдачей Спрингера в то время, когда его дом был в осаде, он должен был попросить увести солдат и потом выдать беглеца Нолькену, а так получилось, что шведы унизили его и дипломат этому подчинился¹⁵. Мнение Корфа все же не учитывало степень решимости шведских властей добыть Спрингера во что бы то ни стало, и он не знал о том, какие планы могли быть для этого использованы и о которых узнал Гюи-Диккенс, – вломиться в резиденцию английского посланника (у которого к тому же в доме были дети) могла толпа, которую потом оттуда выводили бы солдаты – формально шведские власти защищали бы служащих английской миссии от праведного гнева возмущенного народа, попутно арестовав беглого государственного преступника. Возможно, это был просто блеф, но проверять это Гюи-Диккенсу было бы крайне опасно. Хотя первый упрек Корфа вполне справедлив – Гюи-Диккенс знал, что, укрывая беглого преступника, сильно рискует, и ему действительно следовало бы, оказав помощь Спрингеру одеждой, деньгами, продовольствием, сразу отправить его в безопасное место.

В среду 3 декабря 1747 г. комиссия по делу Спрингера завершила работу, предложив свой вердикт Секретному комитету: лишить преступника «живота, чести и имени». При голосовании по этому предложению несколько дворян-«шляп» и депутаты мещанского чина выступили «за», но большинство дворян и духовенства – против. Предложение, таким образом, не прошло, и Секретный комитет принял иное решение – отправить Спрингера «на вечную темницу в какой-нибудь крепости». Дворянские депутаты партии «шляп», чтобы угодить Адольфу Фредрику, выступили за то, чтобы официально лишить Спрингера чести – в городах на пути к его месту заключения он должен был несколько часов стоять на городских площадях на эшафотах для глумления над ним толпы. Их поддержал мещанский чин, духовный чин предложил отдать этот вопрос на рассмотрение общим собраниям риксдага (тут мнение крестьянства уже учитывалось наравне с другими сословиями), и с этим предложением согласилось большинство дворян. Корф обрадовался и начал готовить де-

путатов крестьянства и духовенства для нужного голосования.

Однако своеобразие шведской политики снова неприятно поразило Корфа – в руки сословий судьбу Спрингера так и не отдали – неожиданно был опубликован приговор по делу купца, вступивший, таким образом, в силу. Спрингер обвинялся в том, что знал об опасных для государства замыслах на риксдаге и сам был их орудием. В тексте была фраза о том, что Спрингер признал свою вину и лишается чести, его имя будет прибито к позорному столбу, а сам он «на вечную темницу в Марстранде отвезен, и в четырех городах на [э]шафоте прикованным чрез целый час выставливан быть имеет»¹⁶. До конца жизни Спрингер лишился и права королевского помилования.

Марстранд – город, расположенный на островах в 30 км от Гетеборга, над которым возвышалась Карлстенская крепость, она же Марстрандская тюрьма для особо опасных и государственных преступников.

Вопреки законной практике Спрингеру не дали возможности комментировать свой приговор, в том числе и фразу, в которой он признал свою вину.

11 декабря Корф писал о том, что Спрингера уже повезли в Марстранд и он отстоял час на эшафоте в одном из городов на пути. Народу пришлось много, но, вопреки ожиданиям «шляп», люди стояли тихо и молча, ничего плохого Спрингеру не сказав и не сделав.

Жена Спрингера, ранее отказывавшаяся от развода, предприняв с детьми все возможные усилия для того, чтобы спасти мужа от бесчестия, не смогла ничего изменить и оформила в консистории развод. Дело Спрингера завершилось.

Корфу оставалось только резюмировать: «Нынешний сейм прямым пороком есть шведской нации. Французская же партия ни одного поступка не учинила, при котором бы уставы нарушены не были»¹⁷. Лидер «колпаков» сенатор Окергельм обманом был исключен из риксрода, лидер «шляп», сенатор Тессин, вопреки угрозам и прямым требованиям русского двора, был избран шведским канцлером, Швеция подписала союз с врагом России Пруссией.

Полное поражение англо-русской дипломатии в Стокгольме было оформлено отзывом английского посланника из-за насилия к нему в деле Спрингера и разрывом дипломатических отношений между Швецией и Англией (они будут восстановлены только после Семилетней войны 1756-1763 гг.), а также сменой российского посланника при шведском дворе – в 1748 г. Корф был переведен в Копенгаген, а на его место из датской столицы прибыл молодой дипломат Никита Панин.

Спрингер не умер в тюрьме, в 1753 г. вместе с еще одним бывшим русским агентом Сприн-

гер сбежал из Карлстенской крепости в Данию, откуда Корф переправил его в Россию.

Разгром пророссийской партии во время риксдага 1746-1747 гг. был серьезным поражением российской дипломатии, редким явлением в середине XVIII в. Причиной краха надежд «колпаков» был прежде всего реваншизм шведского дворянства. Оно очень долго и тяжело изживало великодержавные амбиции, отринув их только к началу XIX века. Даже поражение в русско-шведской войне их не вразумило – виновными были названы неспособные генералы, всего через три года после того, как русские защитили Швецию от Дании в 1743 г., шведы поссорились с Петербургом, стремясь избавиться от русского давления. Страх перед Россией вопреки надеждам на него «колпаков», в итоге стал одним из ключевых инструментов «шляп» (классический вариант русофобии) в деле борьбы со своими прорусски настроенными противниками. Можно отметить и ошибки русского посла Корфа – он фактически пытался руководить одной из партий и делал это открыто, лишь в конце заседаний риксдага он стал осторожен и сам отмечал, что его действия по работе с депутатами остаются незамеченными «шляпами».

Главная роль дворянского сословия в шведской политике, которое выросло, видя, как шведские армии сокрушают своих противников в Европе, позволила ему управлять внешней политикой страны, большинство населения которой представляло крестьянство, желавшее быть в мире с русскими, так как все тяготы затеваемых дворянами войн ложились именно на крестьян. В Петербурге русский двор, как видно из документов, был заинтересован в свержении «шляп» меньше, чем британский кабинет,

и в принципе готов был смириться с их господством как минимум в данное время. В целом события в Стокгольме 1746-1747 гг. стали уроком и для русской дипломатии – тот же Н.И. Панин, продолжая практику «правильной» подготовки депутатов на следующих сеймах, не вызвал против себя никаких нареканий, так как основные дела взял на себя секретарь посольства И.М. Симолин¹⁸, который и стал резидентом русской разведки, освободив посланника от возможных претензий страны пребывания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Анисимов М.Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века (от Ахенского мира до Семилетней войны). М.; 2012; Он же. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756-1763 гг. М., 2014.
- ² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.96. Сношения России со Швецией. Оп.96/1. 1746 г. Д.6. Л.124об.
- ³ Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. XI. М., 1993. С.422-423.
- ⁴ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения... С.427.
- ⁵ АВПРИ. Ф.96, 1746 г. Д.6. Л.398-412об.
- ⁶ Там же. 1747 г. Д.8. Л.264-265.
- ⁷ Там же. Л.267.
- ⁸ Там же. Л.474об., 612.
- ⁹ Там же. Д.9. Л.236.
- ¹⁰ Там же. Л.292.
- ¹¹ Там же. Л.453-454.
- ¹² Там же. Л.559об.
- ¹³ Там же. Л.360об-363об.
- ¹⁴ Там же. Л.379-383.
- ¹⁵ Там же. Л.364.
- ¹⁶ Там же. Д.11. Л.443об.-444.
- ¹⁷ Там же. Л.783об.
- ¹⁸ Анисимов М.Ю. Российская дипломатия... С.73-74, 105-106.

SPRINGER'S PROCESS DURING FIGHT AGAINST THE RUSSIAN INFLUENCE IN SWEDEN IN 1746-1747

© 2018 M.Yu. Anisimov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

During the elections to the Swedish parliament of 1746-1747 the Russian diplomacy made an unsuccessful attempt to influence elections and to replace the government. The supporters of Russia connected with the Russian ambassador Korf suffered a crushing defeat. Their leaders were either displaced from their posts or arrested as a result of lawless actions of their opponents. The author focuses on the arrest and the investigation over tradesman Christopher Springer who was the intermediary between the Russian ambassador and Swedish opposition. Springer was arrested without any proofs of guilt, but, despite it, he was condemned on life imprisonment without court sentence. The attempt of intervention resulted in the change of the Russian ambassador in Stockholm, and the British allies of Russia broke off diplomatic relations with Sweden because of violence over the English envoy who tried to hide Springer in his house. *Keywords:* Russian-Swedish relations, riksdag, «Hats», «Caps».